

В.З. Демьянков, Д.В. Жарова, А.И. Сергеев

УДК 81'23

КОНТРАСТИВНАЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛИНГВИСТИКА¹

Проведенные в последние годы корпусные исследования, связанные с выявлением семантических и прагматических свойств языка, выявили глубокие связи между устройством языка и тем, как о языке и о других явлениях культуры и мышления принято говорить в разных культурах. В частности, исследование того, как о психологических явлениях принято говорить в различных культурах, получило название лингвистической психологии. Сопоставление этого направления с методами и целями психолингвистики приводит к выводу о глубинной соотнесенности психолингвистики и лингвопсихологии.

Ключевые слова: лингвистический метаязык, социология текста, лингвистическая психология, психолингвистика, эмоции, восприятие.

Valery Z. Demyankov, Andrey I. Sergeev, Deniza V. Zharova

CONTRASTIVE LINGUISTIC PSYCHOLOGY AND PSYCHOLINGUISTICS

Corpus-linguistic investigations of the ways different people talk and write about their inner world in the framework of different cultures and different languages supply linguistics with new insights into pragmatics and semantics of natural languages. Linguistic psychology or 'folk psychology' is a discipline in which the ordinary ways of talking about psychological phenomena are investigated. The paper shows that despite differences of methodology and aims of study, linguistic psychology and psycholinguistics have deep interrelations.

Keywords: linguistic metalanguage, sociology of text, linguistic psychology, psycholinguistics, emotion, perception.

1. Союз лингвистики и психологии

Сотрудничество лингвистики с психологией зародилось давно, еще в работах по экспериментальной психологии [Oksaar 1983: 291-294]. Однако только в результате развития психологии в конце 1940-х гг. установились столь тесные отношения между психологией и лингвистикой при обработке накопленного материала, что стали говорить о рождении новой дисциплины, названной психолингвистикой [Slama-Cazacu 1983: 306].

В 1950-е гг. получил широкое распространение и сам термин *психолингвистика*, обозначавший одну из дисциплин, занимающихся человеческой коммуникацией, а именно, непосредственно декодировкой и кодировкой, соотносящими состояния сообщения с состояниями общения [Osgood, Sebeok eds. 1965: 4]. В 1960-70-е гг. мы находим только стилистические варианты этой характеристики. Психолингвистика

¹ Публикация выполнена при поддержке Российского научного фонда (проект № 14-28-00130 «Лингвистические технологии во взаимодействии гуманитарных наук») в Институте языкознания РАН.

в ту эпоху занималась в первую очередь психологическими процессами, связанными с усвоением, продуцированием и пониманием языка [Fodor, Jenkins, Saporta 1967: 161], исследовала природу языкового «исполнения» (linguistic performance), в противоположность формальному изучению языка как абстрактной системы (linguistic competence) [Blumenthal 1974: 1105], а также исследованию процессов продуцирования и понимания высказываний.

Итак, психолингвистика – одна из наук о речевой деятельности людей, обладающих одновременно психологическим и лингвистическим аспектами. Иногда психолингвистику характеризуют как *экспериментальный ментализм* [Fodor, Bever, Garrett 1974: xvii], в фокусе внимания которого – индивид в коммуникации [Baylon 1991: 9], а целью исследования является выявление (обычно скрытых от невооруженного взгляда) механизмов языка и речи путем наблюдения над субъектом речи в процессе речевой деятельности. За пределами психолингвистики об этих же механизмах судят исключительно опосредованно, по результатам, или продуктам речевой деятельности – по тексту, по устной речи и т. п. Иначе говоря, к психолингвистике относят экспериментальное исследование психологической деятельности субъекта в процессе усвоения и/или использования языка (langue) как системы, см. [Caron 1983: 16, Caron 1989: 24].

Представления о том, как выглядят скрытые механизмы речевой деятельности, менялись на протяжении всей истории психолингвистики. Особенно часто – в терминах аналога компьютерных процедур, производимых над ментальными «репрезентациями» информации, поступающей от органов чувств. В рамках такой модели эмпирически выявляются временные и структурные характеристики различных типов процедур и репрезентаций [Dijkstra 1990: 11]. Наиболее наглядно в этом ключе формулируются результаты наблюдений и экспериментов, относящихся к планированию речи, к восприятию и продуцированию речи, к классификации видов «языкового знания», лежащего в основе использования языка индивидами, к усвоению языка [Демьянков 1996]. Как показано в монографии [Тарасов 1987], исследование речевой деятельности явилось новой парадигмой в области психолингвистики. Наиболее детально разработанной методикой исследования в рамках Московской школы психолингвистики является теория динамики языкового сознания, включающая в себя «представления о социальных, культурных и психологических детерминантах формирования языкового сознания, закономерностях его развития, о методологических принципах его анализа и экспериментальных методах его исследования» [Уфимцева 2011: 4].

Психолингвистика занимается не только «нормальными», но и патологическими состояниями языкового сознания, типа афазии и шизофрении. Как и вообще в науках о человеке, исследование патологий дает основание для верификации моделей «нормального» устройства языка в целом: еще во времена И.П. Павлова было ясно, что патология позволяет дифференцировать сущности, которые в норме неразличимы и недоступны для прямого исследования [Dascal et al. 1981: 64].

В отличие от психолингвистики, *лингвопсихология*, или *лингвистическая психология* – исследование обыденной и научной речи о психологических явлениях в том или ином языке. Материалом лингвистической психологии являются не только тексты психологов-профессионалов, но и в еще большей степени тексты

художественной литературы и обыденная речь, в которых говорится о психике. Главный непосредственный предмет лингвопсихологии – семантика терминов человеческой психической жизни. При этом не только документируются и исследуются расхожие мнения данного этноса о духовности, но и выясняется, насколько выразительный потенциал языка востребован для характеристики этой духовности. Так, сопоставив обыденную речь о психических явлениях с употреблением терминов в психологии, мы можем установить, насколько далеко психологи в своем исследовании отошли от обыденных представлений.

Контрастивная лингвистика – раздел лингвистики, эмпирически устанавливающий расхождения между языками и культурами. *Контрастивная лингвистическая психология* занимается выявлением расхождений различных культур и языков на материале текстов, в которых говорится о тех или иных явлениях, важных для психологии. Например, о восприятии, чувствах и эмоциях, знании, понимании и т. д. Одним из замечательных фактов, широко известных из истории человеческих культур, является синестезия – когда об одних видах восприятия говорят в терминах других видов. Скажем, о звуках говорят в терминах внешне воспринимаемой формы², а в речи о запахах употребляют эпитеты, наиболее естественных применительно к звукам³, напр.: *loud perfume* и *loud smell*, буквально «громкий запах».

Наблюдения над большим многоязычным корпусом художественных произведений показали, например, что о запахе растений говорят значительно меньше, чем о форме, внешнем виде и о предназначении растений. Так, упоминая имя растения, авторы обычно исходят из того, что их читатель знает из личного опыта, как это растение пахнет. Складывается впечатление, что человек не может представить аромат цветов, не нарисовав их себе в воображении. К исключениям относится именованье ванили в русском, английском и французском языках: всем нам знаком этот запах, однако далеко не все могут сказать, как растение выглядит «в жизни», напр.: *Их голос, пахнувший ванилью, / шептал, что ты опять дуришь, / что твой поклонник толст и рыж* (А.А. Вознесенский, Стихотворения, поэмы).

Упоминание цветка в художественной литературе, повседневной жизни и на этикетке парфюма вызывает у воспринимающего обычно положительные ассоциации. Когда в тексте аромат упоминается прямо, говорится о приятном и даже чарующем запахе, сводящем с ума, лишаящем разума и логики, напр.: *Les violettes, les narcisses, les safrans, les jasmains, les cyclamens mariaient dans l'air tiède leurs arômes*

² Ср.: «Die höheren Sinne, Auge und Ohr, wurden für besonders geeignet gehalten, entweder aus eigener Kraft über ihre stofflich-eigentümlichen (generischen) Grenzen zu 'schauen' oder sich durch eine Vermittlungsinstanz, einen *sensus internus* oder ein *sensorium commune*, übersetzen zu lassen. Das spiegelt sich auch in der Sprache. In einer Vielzahl von Wendungen in allen europäischen Sprachen und Literaturen werden optische Ausdrücke mit Hörbarem und vice versa akustische Ausdrücke mit Sichtbarem verbunden» [W.Naumann-Beyer 2003: 176].

³ Ср.: «Sprachliche Verbindungen, in denen olfaktorische Attribute die Phänomene anderer, speziell der audiovisuellen Sinnesbereiche semantisch intensivieren oder erweitern, sind sehr selten. Spuren einer Sprache, die Duft oder Wohlgeruch mit dem Sichtbaren einer Landschaft poetisch verbindet, finden wir beim jungen Goethe. Vielleicht kann man auch bei der literarischen Avantgarde – bei Futurismus, Dadaismus, Surrealismus – fündig werden. Trotzdem bleibt, vor allem im alltäglichen Sprechen, die /:180/ Verbindung von Geruchsattributen mit Sichtbarem unüblich. Eine duftende oder stinkende Aussicht wird kaum verbalisiert» [W.Naumann-Beyer 2003: 179-180].

légers ou puissants “Фиалки, нарциссы, шафран, жасмин, цикламены отдавали тёплому воздуху свои лёгкие и одновременно сильные ароматы” (Paul Bourget, Laurence Albani, 1919). Если же в тексте находим эпитеты «пахучести» цветов, то они бывают чаще всего парадоксальными, вызывая эффект неожиданности, ср.: *Souvent, près de lui, au jour finissant, j'ai trouvé trop lourde l'odeur des jasmins* “Часто на закате дня возле него аромат жасмина казался мне слишком тяжёлым” (Willy, Sidonie Gabrielle Colette, Claudine s'en va, 1903).

Это тем более удивительно, что названия растений входят в большинство наименований парфюмерии, пользующейся наибольшей популярностью в западноевропейской и в российской культурах, см. [Жарова 2014].

2. Речь об эмоциях в контрастивной лингвистической психологии

В качестве полигона лингвопсихологического исследования можно взять поле эмоций в русском, английском, немецком и других языках. Предмет такого исследования – эмоция, отраженная **в языке**, понятие, появившееся и функционирующее в языке, лингвистический образ, а не психологические механизмы эмоциональной жизни человека. В контрастивно-психолингвистическом исследовании эмоциями мы называем чувства, существенные для той или иной изучаемой человеческой культуры. Исходная гипотеза исследования заключается в том, что эмоции зависят от культуры, в которую они погружены.

Эта зависимость от культуры наиболее ярко проявлена в том, как в текстах описываются и подаются испытываемые людьми эмоции. Разграничение задач между психологией эмоций и лингвопсихологией эмоций проходит по следующей линии. Психологи исследуют вопрос о том, как и какие эмоции люди испытывают. Лингвопсихологи же анализируют то, как люди эмоции проявляют («овнешняют», сказал бы Е. Ф. Тарасов) в речи и как они об эмоциях говорят.

Об эмоциях говорят:

- прямо, непосредственно называя испытываемые чувства, насколько это позволяет лексико-семантическое поле соответствующего языка,
- косвенно, не упоминая имени эмоции, а упоминая только симптомы эмоций: поднятые от удивления брови, слезы огорчения или радости и т. п.,
- смешанным образом – сочетая прямое и косвенное указание, когда говорят о слезах радости, о краске гнева и т. п.

Эмоции – чувства, оцениваемые как существенные для конкретной культуры – в дискурсе «манифестируются» синтаксическими, семантическими и прагматическими средствами языка. Дело осложняется тем, что когда мы имеем дело с литературными текстами, такой анализ должен учитывать и литературные традиции и стили, каноны, в соответствии с которыми об эмоциях принято говорить в данной культуре. Скажем, каноны речи о гневе в древнегреческом эпосе отличаются от каноничности речи о гневе в немецком романтическом произведении.

Тем не менее, в большом количестве случаев, наряду с межкультурными различиями наблюдается и большое число цивилизационных сходств в соответствующем употреблении языка. В частности, европейские культуры объединяет большое число «евроверсалий» речи об эмоциях. Так, об эмоциях только в ограниченном числе случаев говорят с помощью перформативов. Фраза *Я на тебя сержусь* не «конституирует» (выражаясь словами Дж. Остина) соответствующую эмоцию – в отличие от фразы *Я тебе это обещаю*, представляющей перформатив

обещания. Исключением являются фразы типа немецкого *Ich kondoliere* и русского *Соболезную*, которые часто полностью исчерпывают акт соболезнования (вместо них гораздо уместнее употребить более развернутые высказывания, типа: *Выражаю соболезнования по поводу...*).

Психологам пока еще не удалось доказать со всей несомненностью, что эмоции одинаковы у всех народов. Данные «обыденных языков» свидетельствуют скорее о том, что носители разных языков на эмоции смотрят по-разному, однако в 19–20 вв. имеется большое количество схождений между различными эмоциональными культурами, в неотдаленном будущем, возможно, мы будем иметь дело исключительно с цивилизационно обусловленными эмоциями.

В нашем поле внимания находится не система эмоций как таковая, а «жизнь» той или иной эмоции в языке, в языковой системе и различные «жилищные условия», предоставляемые эмоциям в текстах на разных языках. Сравнение текстов, написанных разными авторами в разное время, показывает, как реализуются эти условия.

Для примера рассмотрим, каковы гештальты и эмоциональные сценарии, связанные с речью об удивлении в полном корпусе немецких текстов Э. Т. А. Гофмана и в полном корпусе русских текстов Н. В. Гоголя.

У Гофмана мы обнаруживаем 442 контекста употребления слов с семантикой «удивление» (*Stauen, Erstaunen, Verwunderung, Überraschung, Verblüffung*), у Гоголя – 380 контекстов (*удивление, изумление, потрясение, недоумение, озадаченность* и т.п.). Эти контексты классифицируются по двум параметрам: (1) по разграничению **фона и фигуры**, (2) по типам **эмоционально-событийного сценария**.

1. В рамках первого параметра упоминание эмоции, сопровождающей действие, противопоставляется упоминанию «автономной» эмоции, составляющей самоценную картину.

Пример первого типа: [...] *почтмейстер тоже отступился и посмотрел на него с изумлением, смешанным с довольно тонкой иронией* (Гоголь, Мертвые души).

Пример второго типа: *Афанасий Иванович был совершенно поражен* (Гоголь, Старосветские помещики).

Во втором типе контекстов удивление подается и воспринимается крупным планом, как отдельное самодостаточное переживание; эта эмоция не сопровождает какое-либо действие и не “окрашивает” его, поскольку сама обладает статусом события и, в частности, произвольного действия. Оппозиция фона и фигуры в тексте связана с вниманием. Внимание **фокусирует** наше восприятие на том или ином предмете, действии, качестве и т. д., превращая его в **фигуру**. Но в фокусе оказывается не картина и не ее обрамление, а их соотношение, не действие или эмоция по отдельности, а действие, сопровождаемое, окрашенное эмоцией.

Удивление в тексте часто упоминается в рамках «**эмоционального комплекса**», **кластера эмоций**: удивление + отчаяние, удивление + ужас. В текстах Гофмана мы встречаем многочисленные вариации: *Erstaunen + Schreck, Erstaunen + Furcht, höchste Verwunderung + freudiger Schreck, freudiges Erstaunen + freudiger Schreck, Stauen + Grausen, Stauen + Schreck, Stauen + Schrecken, Erstaunen + Schrecken + Schmerz, verwundert + erschrocken, Erstaunen + Bewunderung + Entzücken + Furcht + Entsetzen*.

Например: *Doch wer schildert mein frohes Erstaunen, ja, meinen freudigen Schreck, als ich wahrnahm, daß ich mich auf dem Hause meines wackern Herrn befand* (Lebensansichten des Katers Murr).

Гофмановское удивление чаще сочетается с восторгом или радостью, чем со страхом (впрочем, и сам страх, «ужас», может в представлении Гофмана быть радостным). А в произведениях Гоголя кластеров эмоций значительно меньше; найдены только следующие комбинации: *изумление + благодарность*, *ужас + изумление*, *изумление + радость*, *недоумение + нетерпеливое любопытство*. Например: *Каков же был ужас и вместе изумление Ковалева, когда он узнал, что это был собственный его нос!* (Нос).

Итак, у Гофмана удивление сочетается с эмоциями различного происхождения и свойства, в то время как комбинации гоголевского удивления / изумления / потрясения менее экзотичны. Кроме того, у обоих авторов есть «удивление-страх» и «удивление-радость».

Удивительно то, что в европейских культурах о страхе и радости (а также о близких эмоциях, «родственных») удивлению по определению – изумление, потрясение и т. д.) говорят практически в тех же терминах, что и об удивлении, демонстрируя витгенштейновское «фамильное сходство» всех этих понятий.

Однако своеобразие Гоголя в сочетании *недоумения с любопытством*, а *изумления с благодарностью*, чем подчеркивается в недоумении недостаток информации и, соответственно, потребность в восполнении этого пробела, проявляющуюся в *любопытстве*. Для истолкования соответствующих контекстов очень важное место занимает речь о **внимании**, с такими разновидностями, как внимание-любопытство, внимание-почтение, внимание-уважение, внимание-поклонение.

В отличие от Гоголя, Гофман сближает удивление скорее с *восхищением / восторгом*. Внутренний эмоциональный мир гофмановского героя сочетается с повышенным интересом к миру внешнему, в то время как гоголевское *любопытство* соседствует с довольно слабо выраженной эмоциональностью и очень скромной палитрой эмоций. Гофман детально описывает удивление с множеством оттенков, нередко в парадоксальных сочетаниях (ср. *freudiger Schreck* «радостный ужас»). Удивление же в гоголевском варианте может быть интенсивным, но не обладает такой широкой палитрой кластеров.

Судьба возникновения и развития со временем фигур речи типа *радостный ужас* в немецкой, русской и английской культурах наводит на мысль о следующей евроверсалии: с течением времени количество экстравагантных кластеров растет. Чувства, прежним поколениям казавшиеся необычными, их внукам представляются обыденными. Однако в рамках различных культур такое пополнение может происходить с различной скоростью.

Интересно, что контексты, в которых говорят о «противоречивых чувствах», допускают еще одно толкование: противоположные чувства у персонажа и у наблюдателя. Так, ужас героя может показаться всезнающему читателю или самому автору забавным. Обе перспективы допустимы одновременно, когда говорящий описывает события, когда-то с ним самим произошедшие. Тогда забава и ужас относятся к разным временным пластам. Однако словосочетание *радостный ужас* двойной перспективы не допускает: в приведенных выше примерах говорится о

смешанной эмоции, сходной с той, которую испытывает ребенок, высоко летящий над землей на воздушном шаре, на качелях или прыгающий с зонтиком из окна высокого дома.

2. В рамках второго параметра эмоции представляются в качестве звена развернутой причинно-следственной цепочки – «эмоционально-событийного сценария», включающего три события: 1) причина эмоции, 2) собственно эмоция, 3) реакция. У Гофмана и Гоголя доминируют четыре типа сценариев.

Из них самый частый сценарий – следующий: **Событие** ® **эмоция** ® **реакция** (у Гофмана 51 контекст, у Гоголя – 61). Например: *Ich bemerkte, daß die Leute, welche mir begegneten, still standen und mir verwundert nachsahen, ja daß der Wirt im Dorfe vor Erstaunen über meinen Anblick kaum Worte finden konnte, welches mich nicht wenig ängstigte* (Die Elixiere des Teufels). Имеем цепочку: мой взгляд à удивление à невозможность найти слова. У Гоголя: *Он поворотился так сильно в креслах, что лопнула шерстяная материя, обтягивавшая подушку; сам Манилов посмотрел на него в некотором недоумении* (Мертвые души), где цепочка выглядит так: поворотился, лопнула шерстяная материя ® недоумение ® Манилов посмотрел на него.

Значительно чаще встречается «укороченный» сценарий, когда реакция в предложении не упоминается явно: **Событие** ® **эмоция** (у Гофмана 176 контекстов, у Гоголя – 116).

Например: *Философ хотел оттолкнуть ее руками, но, к удивлению, заметил, что руки его не могут приподняться, ноги не двигались; и он с ужасом увидел, что даже голос не звучал из уст его: слова без звука шевелились на губах* (Вий). Имеем: *руки не могут приподняться, ноги не двигались* ® **удивление**.

Другой тип укороченного сценария у Гофмана представлен значительно чаще (100 контекстов), чем у Гоголя: **Эмоция** ® **реакция** (32). Например: *Aber dem Lehrburschen stand das Maul offen vor lauter Verwunderung* (Meister Floh), когда имеем: *Verwunderung* ® *stand das Maul offen*. У Гоголя: *Вправду? Целых сто двадцать? – воскликнул Чичиков и даже разинул несколько рот от изумления* (Мертвые души), то есть: *изумление* ® *воскликнул, разинул рот*.

Самый короткий сценарий – когда упоминается только эмоция; но у обоих авторов это наименее употребительный тип (Гофман: 22 контекста, Гоголь: 15). Например: *Ich versank in das hinbrütende Staunen der begeisterten Andacht, die mich durch glänzende Wolken in das ferne bekannte, heimatliche Land trug, und in dem duftenden Walde ertönten die holden Engelsstimmen, und der wunderbare Knabe trat wie aus hohen Lilienbüschen mir entgegen und frug mich lächelnd: "Wo warst du denn so lange, Franziskus?"* (Die Elixiere des Teufels); *Перекупка дивилась, дивилась и, наконец, смекнула: верно, виною всему красная свитка* (Вечера на хуторе).

Иногда эмоция как бы саморепродуцируется, когда удивление (особенно как реакция на нечто **увиденное**) порождает потребность в новой информации, связанной с объектом, вызвавшим это чувство. Наиболее показательны в этом отношении контексты, в которых эмоция сопровождает действие. Сценарий подобной ситуации можно представить так: **взгляд** ® **удивление** ® **созерцание** + **удивление**, т. е. эмоция, вызванная тем или иным стимулом, возвращается к этому стимулу, чтобы поддерживать свою интенсивность и продолжительность. С этой точки зрения удивление оказывается ближе *радости* и противоположно *страху*. От

того, что вызывает страх, бегут; то, что вызывает радость и удивление, притягивает. Возможно, мы имеем дело здесь не с универсальной (для всех языков) чертой, а с евроверсалией: концепты страха и удивления обладают связью с концептом удивления, проявляют некоторое семейное сходство с ним.

«Удивление» в русской эмоциональной культуре, таким образом, является комплексной эмоцией: от удивления можно онеметь или остолбенеть, но, с другой стороны, с удивлением можно и воспринимать новую информацию, познавать мир (тогда эмоция сопровождает когницию или является ее частью). Об *удивлении* говорят, когда событие не соответствует привычному для обыденного сознания порядку вещей.

Выражаясь в когнитивистских терминах: сочетая удивление, озадаченность и любопытство с одобрением, Гоголь сосредоточивается на дефиците информации у персонажа, глазами которого автор смотрит на ситуацию. Вот этот дефицит и вызывает любопытство или любознательность. У Гофмана же удивление в первую очередь сочетается с восхищением.

Кроме того, у Гофмана удивление обладает большим числом оттенков, чем у Гоголя, а сочетаются эмоции в рамках кластеров гораздо более свободно. В текстах Гофмана кластеры эмоций зачастую образуют фигуру, а ситуации, вызывающие эти эмоции, представляют собой фон – тот «пейзаж», на котором мы слышим музыку эмоций в их различных аккордах.

Гоголь чаще, чем Гофман, сочетает эмоциональный сценарий с описанием собственно действия героев. Зато эмоциональные кластеры в его произведениях менее часты и менее разнообразны, чем у Гофмана. Для Гоголя главным является описать ситуации, вызывающие те или иные поступки героев; сами же эмоции представляют собой гарнир, или декорации в его «театре обстоятельств».

Но при всех различиях в методе подачи эмоций в тексте, для обоих писателей удивление является главным мотивирующим принципом диалога между автором и читателем. Гофмановская романтическая мистификация и гоголевская ирония основаны на необычности событий и их обстоятельств. Гофман, показывая неожиданную смену событий, стремится поразить читателя симфонией эмоций, вызвав в читателе удивление. А Гоголь стремится показать удивление своих героев и только таким путем «заразить» читателя этим же чувством. Иначе говоря, Гоголь показывает удивление и делает вид, а возможно, на самом деле не стремится (во всяком случае, явно) вызвать это удивление в читателе. Гоголевское удивление – маска, которую надевает актер и которая не обязательно совпадает с чувствами самого актера: из воспоминаний известно, что именно в такой маске бесстрастности, без тени улыбки, Гоголь читал свои произведения.

Заключение

1. В центре внимания лингвистической психологии находится речь о психологической жизни человека. Главный вопрос заключается в выявлении того, как в этой речи буквальный смысл сказанного соотносится с небуквальным. Это соотношение приводит к выявлению – «реконструкции» – не всегда явных расхожих презумпций о психике человека.

2. Психолингвистика – научная дисциплина, исследующая механизмы владения языком и овладения языковыми знаниями. Ее эмпирическая сфера не ограничивается исключительно терминами «наивной» психологии.

3. Результаты лингвистической психологии обладают пропедевтической ценностью для психолингвистического исследования, позволяя увидеть границы того, что человеческий разум в состоянии выяснить в природе и в механизмах человеческой психики.

Литература

Демьянков В.З. Психолингвистика // Кубрякова Е.С., Демьянков В.З. и др. Краткий словарь когнитивных терминов. – М.: Филол. ф-т МГУ, 1996. – С. 147-153.

Жарова Д. В. Когнитивное варьирование контекста: растения и их ароматы в корпусе русского языка // Когнитивные исследования языка. 2014. Вып. 19. – С. 434–441.

Сергеев А.И. Контрастивно-семантический анализ концепта «удивление» в русском и немецком языках: На материале произведений Н.В. Гоголя и Э.Т.А. Гофмана. Дисс. на соискание уч. степени канд. филол. наук. – М.: МПГУ, 2004. – 211 с.

Тарасов Е.Ф. Тенденции развития психолингвистики. – М.: Наука, 1987. – 168 с.

Уфимцева Н. В. Языковое сознание: Динамика и вариативность. – М.: Институт языкознания РАН, 2011. – 252 с.

Baylon C. Sociolinguistique: Société, langue et discours. – P.: Nathan, 1991. – 304 p.

Blumenthal A.L. A historical view of psycholinguistics // Linguistics and adjacent arts and sciences. – The Hague: Mouton, 1974. – P. 1105–1135.

Caron J. Les régularisations du discours: Psycholinguistique et pragmatique du langage. – P.: PUF, 1983. – 255 p.

Caron J. Précis de psycholinguistique. – P.: Presses Universitaires de France, 1989. – 259 p.

Dascal M. Contextualism // Possibilities and limitations of pragmatics: Proc. of the Conference on pragmatics, Urbino, July 8-14, 1979. – A.: Benjamins, 1981. – P. 153–177.

Dijkstra T. Cross-modal contacts between graphemes and phonemes: Explorations in bimodal processing. – Nijmegen: Katholieke U. te Nijmegen, 1990. – (Ph.D.d.: Proefschr. van de graad van doctor). – 194 p.

Fodor J.A., Bever Th.G., Garrett M.G. The psychology of language: An introduction to psycholinguistics and generative grammar. – N.Y. etc.: McGraw-Hill, 1974. – XIX, 537 p.

Fodor J.A., Jenkins J.J., Saporta S. Psycholinguistics and communication theory // Human communication theory. – N.Y., 1967.

Naumann-Beyer W. Anatomie der Sinne im Spiegel von Philosophie, Ästhetik, Literatur. – Köln; Weimar; Wien: Böhlau, 2003. – xii, 378 S.

Oksaar E. Psycholinguistics: Historical aspects, methodological problems and selected topics in the field of language acquisition and multilingualism // Proc. of the XIIIth International Congress of Linguists, August 29 – September 4, 1982, Tokyo. – Tokyo: Gakushuin U., 1983. – P. 291-304.

Osgood Ch.E., Sebeok Th.A. eds. Psycholinguistics: A survey of theory and research problems. – Bloomington, 1965. – 324 P.

Slama-Cazacu T. Psycholinguistics and linguistics: Old relationships and promising prospects // Proc. of the XIIIth International Congress of Linguists, August 29 – September 4, 1982, Tokyo. – Tokyo: Gakushuin U., 1983. – P. 305–316.